

Секция «История»

Самосознание священнослужителей-депутатов Государственной Думы
1906-1917 гг.

Максимов Илья Викторович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Сергиев Посад, Россия

E-mail: ierey.iliya@gmail.com

В период работы Гос. Думы с 1906 по 1917 гг., в ее деятельности участвовало 114 священнослужителей-депутатов. Государственная власть видела в духовенстве крепкую, спаянную касту, сильную поддержку абсолютизма. Посмотрим, как было на самом деле.

В политических пристрастиях депутатов-священников Гос. Думы первого созыва не было единообразия: трое депутатов-клириков входили во фракцию кадетов, остальные принадлежали к различным партиям: 1 октябрист, 2 прогрессиста. Во II Гос. Думу было избрано 11 священников и два епископа от РПЦ: трое из них были трудовиками, трое кадетами, двое беспартийными, двое октябристами, один социал-революционер. Во время работы Гос. Думы III созыва количество депутатов священников во фракциях менялось: I сессия - 14 правых, 2 националиста, 12 умеренно-правых, 8 октябристов, 3 прогрессиста; II сессия - 15 правых, 12 умеренно правых, 6 октябристов, 6 прогрессистов, 1 беспартийный, 3 националиста; III сессия – 16 правых, 5 октябристов, 3 правых октябриста, 6 прогрессистов, 2 беспартийных, 12 русская национальная фракция; IV сессия – 15 правых, 5 октябристов, 3 правых октябриста, 6 прогрессистов, 1 независимый националист, 2 беспартийных, 12 русская национальная фракция; V сессия – 15 правых, 5 октябристов, 3 правых октябриста, 5 прогрессистов, 1 независимый националист, 2 беспартийных, 11 русская национальная фракция. В результате выборов в IV Думу от клира РПЦ были избраны: 21 правый, 19 националистов, 2 центриста, 2 октябриста, 2 примыкающих к прогрессистам, и один беспартийный. Состав фракций на протяжении работы пяти сессий оставался неизменным.

Большинство депутатов-священников в Гос. Думе III и IV созывов входили в правые фракции. Государство с помощью Церкви наказало оппозиционных священников и одновременно рассчитывало, что большинство духовенства правое, т.к. священнослужители традиционно видели в царе Божьего помазанника и к власти относились с большим почитанием. Правительство использовало их в качестве инструмента для «делания выборов». В думской прессе дается иллюстрация правого самосознания священников: когда священник вход в зал заседаний, ошибаясь, он попадает к левым, чем вызывает удивление у окружающих.

Часть депутатов из клира составляли, наряду с другими депутатами, легальную оппозицию двору и правительству. В работе Гос. Думы преимущественно принимало участие провинциальное духовенство. Самосознание клириков-депутатов было схоже с крестьянским. Это обусловлено материальной необеспеченностью, условиями проживания. Крестьяне являлись выборщиками священников. По их мнению, депутаты от клира должны были продвигать их интересы, в первую очередь решить аграрный вопрос. Выступая от лица крестьян по этому вопросу, депутаты-священники I Гос. Думы

были подвержены прещению со стороны церковных властей.

Деятельность клириков во II Гос. Думе по своему настроению схожа с деятельностью клириков I Гос. Думы. Отношение церковной власти отрицательное: последовали прещения.

Очевидно, что для священнослужителей важную роль играли христианские нравственные нормы. Это отражалось в том, что они большое значение придавали законопроектам, связанным с вопросами нравственности: смертная казнь, пьянство. Комиссию по борьбе с пьянством в III Гос. Думе возглавлял еп. Митрофан (Краснопольский). Помимо него в нее входили еще 2 священника. Единого мнения в среде лиц духовного чина от Православной церкви по вопросу смертной казни не было. При обсуждении его развернулись жаркие дискуссии. Еп. Евлогий (Георгиевский), делегированный от фракции правых и от входящих в нее духовных лиц от РПЦ, выступивший по данному вопросу, встал на сторону правительства, но эта попытка ни к чему не привела.

Еп. Евлогий, представлявший интересы русского населения Люблинской и Седлецкой губ., выступал от лица защищаемого им народа, активно трудился по продвижению законопроекта о выделении Холмщины из состава Привислинского края. Против законопроекта было большинство Думы и поляки, у «которых сказывался сословный эгоизм». Но этот проект был смыслом всей жизни еп. Евлогия, который хотел выделения Холмщины и постепенно заручался поддержкой видных иерархов того времени, членов Государственного совета, что сыграло благоприятную роль в положительном решении этого вопроса в III Гос. Думе.

Политические взгляды духовенства III Думы были более определенными, по сравнению с I и II. Фракция правых оставалась стабильной по своему составу на протяжении всей работы III Думы, однако еп. Евлогий и еп. Митрофан ходатайствовали пред властями о предоставлении в Митрофаньевском подворье еще 20 келий для того, чтобы священники могли поселиться вместе. Мотивом ходатайства выставлено желание предупредить раскол, начавшийся в среде депутатов священников на почве принципиальных разногласий, возникших по причине того, что октябристы и беспартийные прогрессисты завлекли в свои фракции депутатов-священников с целью использовать их авторитет при пропаганде конституционных идей среди депутатов-крестьян.

Если в некоторых вопросах священники допускали либеральные взгляды, то в проблеме свободы совести они не были склонны либерализму и выступали за сохранение привилегий Православной Церкви.

Во время предвыборной кампании в IV Гос. Думу, у церковной власти появилась идея организовать особую фракцию духовенства. В прессе она получила название «фиолетовой думы». Эту идею высказал в личной беседе с архиеп. Евлогием обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер, видя в нем лидера этой фракции. Архиеп. объяснил чиновнику губительность этой идеи. Он сказал, что Россия не знает клерикализма, и такое явление, как партия «национального католического центра», которая возникла на Западе, было бы нашему народу чуждо. Смирненное сельское духовенство находится в тесной органической, бытовой связи с народом; спаянное с ним единством мысли, чувствований и страданий, оно не может идти в Думу, разрывая эту глубокую жизненную связь. Этой идее не суждено было воплотиться в жизнь.

Оказалось, что монархизм духовенства был во многом привычкой и оказался выхолощенным. В условиях, когда его не стимулировали (т.е. в революционных условиях

1906-1907 и 1917 гг.), он совершенно растворялся, и громче других были слышны активные антимонархисты. Во время февральских событий 1917 г. духовенство не проявило своего монархического самосознания. Товарищ обер-прокурора Н.Д. Жевахов предложил первенствующему члену Св. Синода – митр. Владимиру (Богоявленскому) выпустить воззвание в поддержку монархии. Митр. Владимир отказался помочь. С аналогичным предложением осудить революционное движение 27 февраля выступил и обер-прокурор Н.П. Раев, но синод отклонил и это предложение.

Предпосылки для консолидации духовенства, казалось бы, были, но при тщательном изучении этого вопроса формируется отрицательное мнение. Духовенство не было способно к объединению, т.к. внутренние противоречия не позволили бы сделать этого. Было ли самосознание священников-депутатов единым? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Происхождение, быт, христианские нравственные нормы их объединяли, а способы решения вопросов, обсуждавшихся в Гос. Думе, священники-депутаты видели разные.

Источники и литература

1. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1994.
2. Ивакин, Г. А. Православное духовенство в Государственных думах Российской империи. Дисс. канд. ист. наук. М., 2006.
3. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004.